

РОМАН

МОЛЧАНИЕ ГЛУБИН

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

Эдуард Сероусов

Молчание глубин

<https://litres.ru/74134519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одиннадцать километров под океаном лингвист София Ким восемь лет расшифровывает ритм, доносящийся со дна Марианского жёлоба. Её младший брат Дэниел — глухой — слушает воду кожей и первым говорит: под красивым сигналом дышит другой, тяжёлый. София отмахивается: приборы не лгут. Корпоративный куратор торопит с ответом, часы истекают, консорциум готов резать «биотехнический актив». Когда сестра всё-таки жмёт кнопку, бездна открывает глаз, металл кричит, а живая вода начинает лиловеть. Кассандру никто не услышал вовремя. Теперь у людей часы, а не тысячелетия, чтобы решить, кто в этой семье и в этом виде наконец научится слушать.

Содержание

Часть первая. Аномалия	4
Часть вторая. Первое слово	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эдуард Сероусов

Молчание глубин

Часть первая. Аномалия

1

За одиннадцать тысяч метров под небом звука нет. Есть давление — оно входит в кости раньше, чем в уши, и остаётся там, ровное, как вторая кровь.

София Ким прижала ладонь к переборке и слушала.

Не ухом. Кожей. Так научили брата, когда ему было пять, а ей десять; она подсмотрела чужой урок через плечо матери и оставила себе. Раскрытая ладонь на холодном металле, глаза закрыты, всё внимание стекает в подушечки пальцев, где сталь едва заметно дрожит.

Дрожь была неправильной.

Океан на такой глубине не шумит — он давит. Ровный гул машин «Посейдона», клёкот рециркулятора, редкий стон корпуса, отдающего лишний градус в вечный холод за бортом, — эти голоса станции София знала как своё дыхание, различала во сне, просыпалась, если один из них сбивался. А это было чужое. Ритм. Три коротких толчка, пауза, один долгий — и снова, с той же терпеливой точностью, с какой капля за тысячу лет находит одну и ту же выбоину в камне.

— Опять оно, — сказала она вслух, хотя рядом был только тот, кто не мог её услышать.

Дэниел стоял в полуметре, прижав ладонь к стене, склонив голову, — прислушивался лбом. В красном сумраке отсека его лицо казалось вырезанным из тёмного дерева. Он не смотрел на сестру. Он смотрел сквозь переборку — за одиннадцать сантиметров титана и десять километров черноты, туда, где на дне жёлоба лежал город, который они месяцами звали руинами.

Его руки поднялись и сложили воздух.

Не «оно». Их несколько.

— Я знаю, что несколько. Источник распределённый, я видела спектр...

Ты видела спектр. Пальцы у него были быстрые, злые. Я слышу голоса. Это разные голоса, София. И один — не в лад.

Она открыла глаза. На главном экране разворачивалась спектрограмма — водопад цветных полос, ползущий сверху вниз, живая запись того, что микрофоны ловили снаружи. Красивая штука. Её штука. Восемь лет назад никто в мире не умел превратить бессмысленный подводный шум вот в это — в структуру, в грамматику, в почти-язык. Теперь умели, потому что она придумала как; и на этом «как» стояло её имя в трёх десятках статей и одном патенте, за которым охотились армии двух держав.

— Покажи, — сказала она. — Где не в лад.

Дэниел шагнул к экрану. Он не тыкал пальцем, как осталь-

ные, — он вёл ладонью вдоль водопада, не касаясь стекла, как гладят зверя по шерсти, чтобы не разбудить. Остановился. В общем узоре — том самом «три коротких, один долгий», ровном, как метроном, — пряталась тонкая нить, всё время чуть-чуть запаздывавшая. Не сбивавшаяся. Именно запаздывавшая, словно один голос в идеально спетом хоре тянул свою ноту на полвздоха дольше и не мог — или не хотел — сравняться с остальными.

— Аппаратный дребезг, — сказала София. — Или отражение от склона.

Он не спорил руками — просто посмотрел на неё, и она отвела глаза первой.

Она снова закрыла их и легла ладонью на стену. Три коротких, пауза, один долгий. Поймала ритм, вошла в него, как входят в чужой шаг, чтобы идти рядом. А потом — сама не зная зачем, из старой памяти, из той игры, в которую они играли детьми на полу материнской кухни, перестукиваясь через доски, — ответила. Костяшкой. По титану. Свой узор: два и два.

Три секунды тьма за бортом молчала.

Потом дрожь под её ладонью сбилась. Замерла. И вернулась — два и два.

София отдёрнула руку, будто металл под ней ожил.

Дэниел уже смотрел на неё — не испуганно, а с той тяжёлой, взрослой ясностью, которую она ненавидела в нём, потому что в ней всегда пряталось то, чего она не хотела знать.

Оно тебя слышит, — сказали его руки. *Всё это время. Мы думали, что подслушиваем. А это разговор.*

— Это не разговор, — сказала София. — Это резонанс. Отклик системы на входной сигнал. Это... — она искала слово и злилась, что ищет, — это данные. Данные не лгут, Дэн.

Он держал руки неподвижно. Потом сложил один короткий знак — тот, что она понимала лучше всех прочих, потому что он был у него для неё одной, с самого детства. Не «нет». Не «дура». Что-то среднее. Что-то вроде: *ты опять затыкаешь уши ладонями и говоришь, что тихо.*

За бортом чужой ритм терпеливо повторял своё, и в нём, если очень захотеть, можно было расслышать не механику, а ожидание.

2

В командном модуле пахло кофе, озоном и людьми, которые слишком давно не видели солнца.

Тео Рейес разложил на столе распечатки — он один на станции ещё печатал на бумаге, не доверяя экранам то, от чего зависели жизни, — и водил по строкам пальцем, будто цифры могли соврать, если не придавить их ногтем.

— Третий раз за неделю, — сказал он, не поднимая головы. — Микротрещина по шву С-14. Четыре микрона. Я знаю, что четыре микрона — это ничего. Знаю, что запас десятикратный. Всё это знаю, доктор Ким, и всё равно говорю: каждый час, который мы тут сидим, взят взаймы. И проценты капаят.

Он щёлкнул крышкой механических часов — старых, тяжёлых, на потёртом ремешке, — сверился с циферблатом, словно тот знал что-то, чего не знали приборы, и захлопнул обратно. Часы эти он носил, сколько его помнили; поговаривали, что достались они ему от напарника, которого он двадцать лет назад не довёз с одной глубоководной платформы. Сам Рейес об этом не рассказывал, а спрашивать не тянуло.

— Мы у порога первого контакта в истории вида, — сказала Мила Илич. Она сидела на краю стола, подвернув под себя ногу, и что-то быстро черкала в потрёпанном блокноте — зарисовывала сигнал от руки, полосу за полосой, будто не веря, что экран сохранит его вернее, чем её карандаш. Глаза у неё блестели чересчур. — А ты считаешь микроны.

— Микроны — единственное, что стоит между твоим первым контактом и одиннадцатью километрами воды, детка. Кто-то же должен.

— Ты как будто нарочно не хочешь, чтобы это было чудом.

— Я хочу, чтобы это было чудом, с которого все вернутся домой. — Рейес поднял на неё глаза, и в них была не злость, а усталость человека, который однажды уже собирал кого-то по частям и запомнил вес. — Разница есть.

Кэл Вэйл стоял у дальнего пульта, спиной ко всем, и печатал на планшете ровными, неторопливыми касаниями. В отсеке, где ходили в мятых комбинезонах и грели ладони о кружки, он один был выглажен: чистый ворот, сухие манже-

ты, ни пятнышка смазки. Он не обернулся.

— Консорциум не финансирует поэзию, — сказал он ровно. — И не финансирует страх. Он финансирует результат. — Касание, ещё касание; где-то наверху, за десять километров воды, его слова уходили в чужие руки. — Совет назначил окно. Восемнадцать суток. По истечении станцию сворачивают, а объект передают военной группе для... — он всё же обернулся, и на лице у него была вежливая, отработанная скука, — «директного извлечения биотехнического актива».

Тишина. Даже гул рециркулятора будто стал слышнее.

— Извлечения, — повторила София.

— Ваш «город», доктор Ким, для совета не собеседник. Это находка. Восемнадцать суток, чтобы снять с неё всё, что снимается по-хорошему. Потом придут те, кто снимает по-плохому.

— Мы почти у переводимого сигнала, — сказала София, и собственный голос показался ей чужим, слишком ровным, будто она уговаривала не Вэйла, а себя. — Ещё бы немного...

— Вот и славно. — Вэйл отвернулся к планшету. — Значит, у нас общая цель. Вы получаете свой разговор, совет — свой актив. Все довольны.

Мила перестала черкать. Карандаш замер над блокнотом.

— «Актив», — сказала она тихо, ни к кому. — Мы нашли соседей по вселенной, а вы им уже подобрали графу в накладной.

— Кто-то должен подбирать графы, мисс Илич. — Вэйл

не обернулся. — Иначе накладные подбирают вас.

София поймала взгляд Рейеса поверх стола. Тот не сказал ничего — покачал головой, едва заметно, и снова открыл крышку часов.

За переборкой, в десяти километрах черноты, город терпеливо стучал: три коротких, один долгий.

3

Связь с поверхностью шла через ретранслятор на тросе и всегда запаздывала — полторы секунды туда, полторы обратно, так что разговор с матерью был переключкой через ущелье, где эхо приходит, когда ты уже сказал следующее.

Лицо Хэ-джин собралось на экране из квадратиков, дрогнуло и устоялось. За её спиной было кухонное окно, а за окном — море, вечернее, синее, спокойное, лиловеющее к горизонту так, как лиловеет любое мирное море на закате. На подоконнике висел колокольчик из ракушек, который она сплела сама тем летом, когда Дэниел оглох, — чтобы сын мог держать его в ладони и чувствовать пальцами то, чего больше не слышал ухом.

— Ты плохо ешь, — сказала мать вместо приветствия. Полторы секунды. — У тебя лицо серое.

— Тут у всех лицо серое, мам. Тут нет солнца.

— У тебя серее. — Она придвинулась к камере, вглядываясь, будто могла дотянуться сквозь десять километров и потрогать лоб тыльной стороной ладони, как в детстве. — Ты опять всё держишь на себе. Я по плечам вижу.

Когда-то она научила их слушать пол.

София была маленькая, Дэниел ещё меньше и ещё слышал; отец ушёл в очередной рейс и не вернулся, а денег на игрушки не было, и мать, приморская женщина с большими сильными руками, придумала им игру. Уводила детей вниз, в мастерскую, где чинила чужие лодочные моторы, сажала на дощатый пол и стучала в дальнем углу — костяшкой, гачным ключом, каблуком, — а они, зажмурившись, ладонями на досках угадывали: где, чем, сколько раз. «Уши обманут, — говорила она. — Уши слышат, что хотят. А дерево не врёт. Пол вам всё скажет, если положите руку и подождёте». София научилась угадывать лучше всех. А потом Дэниел оглох — и оказалось, что мать, сама того не зная, дала ему единственный язык, который у него остался.

Дэниел придвинулся в кадр рядом с сестрой, и лицо матери сразу переменялось — обмякло, потеплело, будто с него сняли невидимую ежедневную сбрую. Она подняла руки. Знаковала медленно, старательно, с ошибками, которых он никогда не поправлял: *ты. спишь? ешь?*

Дэниел начал отвечать, но София уже говорила:

— Он нормально, мам, я слежу. Берёт добавки, я проверяю...

София. Руки матери. И вслух, устало, с той особой интонацией, за которой всю их общую историю стоял один и тот же упрёк:

— Дай ему сказать.

Три слова. Полторы секунды на то, чтобы они дошли, — и ещё полторы на то, чтобы София сделала вид, что не слышала.

— Я и даю, — сказала она.

Рядом Дэниел опустил руки. Он не стал договаривать начатое. Он делал так всегда: когда она вступала за него, он уступал место — отходил внутрь себя, в комнату, куда ей входа не было, и запирал дверь очень тихо, без укора, что было хуже любого укора.

Она знала эту комнату. Она сама её и построила — в тот год, когда ей было десять, а ему пять, и он тянул её за рукав, и мычал, и тыкал себя в ухо, а мать ушла к соседке, и София, оставленная за старшую, сказала: не ной, подожди, я занята. Три дня «подожди». Потом была больница, длинные латинские слова и тишина, в которую он ушёл и из которой не вернулся. С тех пор она всё за него решала. Не потому, что не верила ему. Потому, что один раз не решила — и вот что вышло.

— Береги брата, — сказала мать на прощание, как говорила всегда.

— Всегда берегу, — сказала София; и это было правдой, и это было её виной, и она давно перестала различать, где одно, а где другое.

Экран свернулся в точку. Ракушечный колокольчик качнулся за плечом матери, беззвучный, и пропал.

Позже, когда остальные спали, они вдвоём спустились в акустический отсек и запустили пробный сигнал.

Не стук по стене — настоящий. София собрала короткую фразу из «резонансного протокола»: чистую, симметричную гармонику, свёрнутую из тех структур, что они месяцами вытягивали из шума. Первое, что походило не на эхо, а на обращение. Приветствие, если у бездны есть уши.

Дэниел сидел рядом, закатав рукав. На предплечье у него была стянута самодельная штука — плоские моторчики на ремешках, провода, спаянные им самим коробочки. Наушникам он не верил. «Наушники дают перевод, — говорил он, — а перевод врёт». Его устройство переводило звук снаружи прямо в дрожь на коже — сырую, неотфильтрованную, — и он читал её так, как София не выучилась бы и за десять жизней: всем предплечьем, как страницу.

— Отправляю, — сказала она.

Полминуты тьма за бортом молчала.

Потом весь узор на экране разом переменялся.

Не сбился — перестроился. «Три коротких, один долгий», ровное месяцами, свернулось и расцвело во что-то другое: сложное, ветвистое, симметричное. Живое. Водопад полос пошёл гуще, ярче, и в нём проступила структура, от которой у Софии перехватило дыхание, — синтаксис, вложенность, замысел. Оно не отражало её сигнал. Оно отвечало. Оно строило фразу.

— Господи, — выдохнула она. — Дэн, ты видишь? Оно

строит фразу. Оно нас поняло. Мы...

Она осеклась, потому что брат не смотрел на экран.

Он смотрел на свою руку. Моторчики под ремешками тряслись, и лицо у него было такое, будто он держал ладонь на груди умирающего и слушал, как рвётся ритм сердца.

Здесь два слоя, — сказали его руки, когда он поднял их. Сверху — то, что ты видишь. Красивое. А под ним ещё один. Приборы его срезают. Я его чувствую.

— Что в нём?

Он долго не отвечал.

Тот голос. Не в лад. Он громче под низом. И он не говорит «здравствуй».

— А что он говорит?

Не знаю. Пальцы замерли. Но он не рад нам, София. Ни один из них там, внизу, не рад нам так, как ты думаешь.

На экране чужая фраза достроилась до конца и застыла, сияя, — прекрасная, симметричная и совершенно нечитаемая для всех, кроме приборов, которые уже спешили сказать людям, что она значит.

Часть вторая. Первое слово

5

Перевод пришёл на четвёртые сутки, в три часа ночи по корабельному времени, и был так прост, что все замолчали.

Машина проговорила его синтетическим, нарочито нейтральным голосом — София сама когда-то выбрала эту интонацию, ровную, без чувства, чтобы никто не приписал чужим словам того, чего в них нет. И вот эта ровная машина сказала:

«Мы вас видим. Мы долго ждали. Мы пришли издалека и спрятались. Не бойтесь.»

Четыре фразы. Восемь лет.

Мила Илич заплакала — тихо, зажав рот ладонью, глядя на экран так, будто там было лицо, а не строка. Карандаш выпал у неё из пальцев и покатился по столу, и никто его не поднял. Один из техников засмеялся — коротко, нервно, тем смехом, каким смеются, когда не находят других слов. Второй сел, где стоял. Вэйл не сказал ничего, но его пальцы над планшетом на секунду замерли — впервые за четверо суток, — и это сказало больше, чем сказал бы он сам.

София стояла и смотрела на четыре простые фразы, и восемь лет её работы стояли за спиной и дышали ей в затылок. «Мы вас видим». Она сделала это. Не армия, не корпорация, не совет — она, женщина, которая в десять лет угадывала

на дощатом полу, куда стукнула мать, научила человечество слышать то, что лежало под всеми океанами с начала времён.

— Прогони ещё раз, — сказал Рейес. Он не смотрел на экран — он смотрел на неё. — Другим алгоритмом. Контрольным.

— Тео.

— Я серьёзно. Слишком чисто. Такие вещи не бывают такими чистыми с первого раза. — Он щёлкнул крышкой часов. — Когда что-то на глубине даётся легко, это не значит, что оно лёгкое. Это значит, что ты чего-то не видишь.

Она прогнала. Второй алгоритм, независимый, писанный другой командой на другом континенте, ничего не знавшей о первой. Все смотрели, как ползёт полоса обработки, и в отсеке было так тихо, что слышно было, как капает конденсат с холодной переборки.

«Мы вас видим. Мы долго ждали. Мы пришли издалека и спрятались. Не бойтесь.»

Слово в слово.

— Вот, — сказала София, и что-то в груди у неё разжалось. — Два независимых метода. Одно и то же. Это не артефакт, Тео. Это сообщение.

Рейес долго смотрел на экран. Потом сделал то, чего она не ждала: пожал плечами и отвернулся.

— Ну да, — сказал он тихо, себе под нос. — Оба слушают одними ушами.

Она не расслышала. Или расслышала и решила, что не

стоит.

6

За следующие двое суток «город» рассказал им свою историю, и это была прекрасная история.

Они пришли издалека — так говорил перевод. Их мир погиб; что-то в небе, катастрофа, свет, которого не пережить. Горстка спаслась. Они шли сквозь пустоту неведомо сколько и нашли эту планету — синюю, тёплую, полную воды — и ушли на самое дно, в единственное место, где давление и тьма были им домом, а не смертью. И спрятались. И ждали, тысячи лет, пока верхний мир не научится слушать.

И «город» показал им, каким был их дом.

Это пришло не словами — образом, развёрнутым прямо на большом экране из того же сигнала, что нёс слова: приборы София научила рисовать не только грамматику, но и то, что за ней, и теперь они рисовали чужую память. Небо цвета старого золота. Два солнца — одно большое и тусклое, другое маленькое и злое — над водой, которая была им как земля: тёплой, густой, лиловой, живой своей особой жизнью. Города на сваях, уходящих в глубину. И над всем этим — свет, разлившийся по небу в один миг, беззвучный и белый, съевший и золото, и оба солнца, и сваи, и всё. Экран погас в белизну и снова налился тьмой — тьмой дна, куда они бежали.

В командном модуле стояла тишина. У кого-то из техников блестели глаза. Даже Вэйл смотрел на экран и молчал,

забыв о планшете, — на одну долгую секунду он был не связным консорциума, а просто человеком, которому показали, как гибнет мир.

— Вы понимаете, что это значит? — Мила ходила по модулю, не в силах усидеть, и блокнот тряся у неё в руке. — Все наши мифы. Левиафан. Всё, что поднималось из глубины в каждой легенде каждого народа. Это были они. Тысячи лет мы чувствовали, что там кто-то есть, и звали это чудовищем, потому что не умели услышать. А они просто прятались. Беженцы. Испуганные беженцы на дне чужого моря.

— Испуганные беженцы, сидящие на биотехнологии, которой миллионы лет, — сказал Вэйл, не поднимая глаз. — Раса, пережившая гибель собственной звезды и межзвёздный перелёт. Совет будет в восторге. — Он сделал пометку. — «Дружественный, коммуникабельный, мотивированный к сотрудничеству актив». Прекрасно снимается.

— Вы вообще себя слышите? — Мила остановилась. — Там, внизу, цивилизация. Народ, потерявший всё и не сдавшийся. А вы говорите о нём как о месторождении.

— Я говорю о нём как о том, что оплачивает воздух, которым вы дышите. — Вэйл наконец поднял на неё глаза, спокойные и пустые, как две пуговицы. — Мечтайте на здоровье, мисс Илич. Мечты — прекрасная вещь. Но кто-то должен подписывать накладные, и, поверьте, это куда менее романтично, чем плакать над строчкой на экране.

София слушала их спор вполуха. Она смотрела на пере-

вод, на эти простые тёплые слова, и хотела, чтобы они были правдой, — хотела так, что это пугало её саму. Потому что если они правда, то восемь лет были не зря. Тогда «услышать» и «понять» — одно и то же, и её метод не просто вскрыл чужой шум, а навёл мост между двумя одиночествами через всю холодную вселенную. Тогда она была права. Во всём — и в большом, и в том давнем, маленьком, с чего всё началось.

Она подняла глаза и нашла брата.

Дэниел сидел в углу, у самой переборки, спиной к общему теплу, и держал ладонь на стене. Он не спорил. Не улыбался восторгу Милы, не морщился на цинизм Вэйла. Он слушал кожей то, что приборы уже перевели за всех, — и по его лицу видно было, что ему рассказывают совсем другую историю.

7

Он поймал её в акустическом отсеке под утро, когда остальные расползлись спать.

Он не стал знаковать издалека. Подошёл вплотную, снял с предплечья своё устройство и протянул ей — не наушники, а ремешки с моторчиками, — и жестом велел надеть.

— Дэн, я не читаю кожей, ты знаешь, я не...

Надень. Один раз. Ради меня.

Она надела. Затянула ремешки на предплечье, неловко, и он запустил запись — ту самую чужую фразу, «мы вас видим», прекрасную и симметричную. Сначала не было ничего, кроме ровной вибрации, бессмысленной, щекотной. По-

том он что-то переключил — отсёк верхний слой, тот, что читали приборы, — и оставил только низ.

И низ был неправильный.

София не умела это читать, но даже её кожа, глупая, необученная, поняла: под ровной красивой фразой шло что-то плотное, тяжёлое, ритмичное, как удары. Мерное. Холодное. Оно не походило на «не бойтесь». Оно вообще не походило на приветствие. Оно походило на... она не знала на что. На счёт. На поступь. На то, что делают вместе, в ногу, и молча.

Он сменил запись. Другой фрагмент, из того, что «город» передал под утро; приборы перевели его как «мы ждали вас так долго». Дэниел снова содрал верх и оставил низ — и на этот раз кожа Софии дёрнулась сама, отдёрнулась бы, если б могла: под ласковым «мы ждали» шёл тот же мерный тяжёлый ритм, но теперь в нём была волна, накат — будто множество вступало разом, потом смолкало, и снова вступало, и снова. Не ожидание. Что-то, что копят перед тем, как обрушить.

Она сорвала ремешки.

Ты почувствовала, — сказали его руки. Не вопрос.

— Я почувствовала помеху. Дэн, это подложка. Гармоники низкого порядка, они всегда есть, это физика, а не...

Приборы срезают низ, потому что ты научила их срезать низ. Руки у него были беспощадны. Ты настроила их слышать верх. Красивый верх. А смысл внизу. Всегда был

внизу. Я говорю тебе это, а ты уже придумываешь, почему я неправ.

— Потому что ты не лингвист чужого вида, ты...

Она осеклась. Поздно.

Договаривай. Он опустил руки, и лицо у него стало очень спокойным — тем спокойствием, за которым он запирался. Я — кто? Кого ты взяла сюда специалистом по нестандартной коммуникации и с тех пор ни разу не дала договорить? Скажи вслух, София. Я — кто?

Она молчала.

— Ты мой брат, — сказала она наконец, тихо. — И я взяла тебя, потому что ты видишь то, чего не вижу я. Но не здесь. Здесь приборы. Здесь данные. Два независимых метода, слово в слово. Я не могу отменить контакт всей своей работы из-за того, что тебе не нравится, как гудит подложка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.